

Some Peculiarities in the Language Palette of the Ukrainian Mass Media

Larisa Topcii, PhD

Izmail State Liberal Arts University, Ukraine

polina_kiseolar@mail.ru

Abstract: Language of modern mass media expresses all the active processes occurring in society and in the language. The given article deals with such tendencies as discourse polycodeness, crossing codes and foreign elements assimilation which are closely connected with democratization and liberalization. Typical features of modern mass media are displacement of semantical filling in lexical units, neosemantization, the elements interaction of literary and non-literary styles as liberalization of literary language norms and vocabulary metaphorization.

Keywords: semantics; language palette; massmedia

Особенности языковой палитры современных СМИ

Языковые инновационные процессы, связанные с социальными, экономическими, политическими изменениями в обществе, их динамика, кодификация норм литературного языка всегда были объектом внимания лингвистов. Изменения в культурной жизни общества, в мировоззрении и мировосприятии людей, новая словесная интерпретация реальной действительности, ориентир на открытость, демократичность общества, а значит - и медийного пространства, нашли отражение в языке массовой печати, который, в определенной степени актуализируя их, является отражением «языкового вкуса эпохи» (Kostomarov, 1994, p. 64).

Обращение лингвистов к массмедийным текстам и массмедийному дискурсу, представленное под разным углом с позиций социо-, психо-, менталингвистики и лингвистики текста, нельзя считать малоисследованными (Володина М.Н., Костомаров В.Г., Потапенко С.И., Радзиевская Т.В., Тропина Н.П. и др.). В этой области собран значительный материал (Ажнюк Б., Волкогон Н., Дмитровский З.С., Здоровега В.Й., Зильберт П. А., Иваненко В., Коновець С., Масенко Л., Мелещенко О. К.,

Москаленко А.З., Пономарев О. Д., Ризун В.В., Серажим К.С., Сербенская А., Тараненко О.О., Шаповал Ю.Г., Шкляр В.І., Яцимирская М. Г. и др.). Однако вопросу систематизации всех языковых особенностей, происходящих в массмедийном дискурсе сегодня, уделяется недостаточно внимания.

Цель нашей статьи - выявить те характерные закономерности, свойственные языковой палитре современных газетных текстов.

Объект исследования - язык украинской прессы XXI ст. (“Украина молодая” (УМ), “Голос Украины” (ГУ), « Литературная Украина» (ЛУ), «Газета по-киевски» (Газ.по-киев.), «Демократическая Украина» (ДУ), «Высокий замок» (ВЗ), «Львовская газета» (ЛГ), “Бульвар” (Б), “Зеркало недели” (ЗН), “Добрые советы” (ДС), «Поступ» (П), «Урядовый курьер» (УК) и др.). Современные массмедийные тексты, будучи зеркалом времени, отражают активные социально-экономические, политические изменения в обществе и многие живые процессы, активно протекающие в языке, одновременно детерминируя и порождая некоторые из них, активизируя ту или иную их направленность, воздействуя определенным образом на современное развитие языка и прежде всего его лексику. В первое десятилетие XXI в. в печатных видах средств массовой коммуникации значительно разнообразились формы межъязыковых контактов, расширилось использование прагматически маркированных лексических единиц, особое место заняли процессы неосемантизации и семантической реидеологизации, взаимодействие элементов литературного и нелитературного стилей и др.

Так, одним из способов разнообразия межъязыковых контактов является функционирование в одном языковом отрезке нескольких национальных языков, что в научной литературе называется « поликодовостью дискурса» (Azhnuk, 2001, p. 49). Это явление непосредственно находит свое отражение в газетно-журнальных изданиях, где часто информация в украиноязычном тексте излагается на русском языке, либо наоборот, например: “*У пошуках ідеологічних збочень пильні цензури не здатні були помітити, що такі вірші, і, як наголошував Л. Вишеславський, “ дарят надежду, излучают добрую энергию”* (ЛУ, 06.02 .03), “*Служить бы рад, прислуживаться тошно* “. Для мене неприємні методи, якими досягався успіх “ (ЗН, 17.11.01) или «*Ди Каприо ищет хатинку*» (Б, 2000, № 31), “*По его признанию, он “сховався в Америці”, потому что там ему ничто не мешает по 48 часов в сутки проводить у мольберта* “ (Б, 2000, № 27); «*Правда, выглядели «урядовці» по началу несколько устало*» (Газ.по-киев., 12.04.05) .

Так, например, в русскоязычном газетном пространстве украинизмы нередко номинируют новые реалии современной экономической и политической жизни («заробитчанин», «урядовцы», « незалежна», « самостийна», «розбудовники», «Верховна Рада», «Ганьба!», «Геть!»). Они, выполняя стилистическую функцию, часто становятся способом авторской оценки к излагаемым событиям. Примерами иронически-пренебрежительного отношения автора к государственному статусу Украины либо к ее власти могут стать следующие иллюстрации: « Украина хотела быть незалежной ? Она ей стала. И что теперь она хочет? Чтобы быть незалежной и получать дешевый газ?» (Газ.по-киев. 12.02.08) и « *Тепер все они при власти, и трудно понять, где опять окопалась «злочинна влада»* (Газ.по-киев.,29.05.08) и др.

Одной из форм проявления межъязыковых контактов в современной языковой палитре украинских СМИ стал процесс «переключения кодов», т.е. последовательное употребление на одном отрезке газетного текста двух языков: “ *Paramaunt* *выбрала дату премьеры “Индианы Джонса 4.* “ (ТВ Курьер, 18.02.07), “ *Трьохскладний комплект у стилі patchwork, велику торбу з застібанням на замок-блискавку та великими шлейками...* “ (ДС,01, 08). Продолжат примеры и названия русскоязычных газетно-журнальных изданий в Украине (“Счастливые родители. Parents”, “УПС!OOPS”!, “Играем с Barbie”, “Супер Speed», “Yes, неделька!», “Маленькая Diana”, “Speed - инфо”, “Время - Time”, “Speed Эгоист” “ и др.), и заголовки типа : “SPA-сение в Кисловодске” (Speed-инфо, 13.01.06); “Александрия group” (Привоз.16.08.,07.); “Windows по-украински” (ЛУ, 23.01.03.).

Нередко английские лексемы графически адаптируются: “*Ну а место тем временем пустует, оставляя “наблик” без “рилейшана” с Ющенко*” (ЗН, 17.11.01.), “*Саміт при краватках. Але - “неформальный”* (ЛУ, 06.02.03.), “Как потерять электорат-электростоп для президента” (ЗН, №26, 01), “ *Чи в нас таку принциповість сугестують екстраестетичні чинники?* “(П, 12.12, 02), “*Янукович є репрезентантом донецького лобі, але воно також розгалужене і складається зі своїх мікросередовищ* “ (ЛГ, 04.01, 2003). Встречаются факты одновременной подачи в одном отрезке газетного текста англицизмов как латиницей, так и кириллицей: «Тональный мусс dream matte mousse. Дрім Матэ Мусс» (ДС, 10.07.06).

Можно подчеркнуть, что активность в языковых контактах украинских СМИ принадлежит не только русскому, но и английскому языку, получившему самый широкий диапазон практического применения. В последнее время

встречается огромное количество заимствований, появление которых объясняется разными причинами. Почти все они, попадая в языковую палитру периодических изданий, проходят так называемую апробацию.

Немало фактов использования на газетных полосах иноязычных вкраплений – « незамкнутых групп слов» чужого языка, которые, подчиняясь графической, звуковой и грамматической системам языка, функционируют « в качестве более или менее связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц » (Krisin, 1968, p. 43): «директ-мейл» (прямая рассылка), «саунд-чек» (проверка звука), «приваси» (частная жизнь), «интеледжекс департамент» (разведывательная служба), «моней ордер» (денежный перевод), «мувинг пикчерс» (фильм), «нормал курс» (обыкновенный курс) и т.д. Поэтому интересной закономерностью стало то, что эти элементы, введение которых в газетный дискурс, возможно, объясняется попыткой модернизации языковой палитры, дублируют уже существующие и понятные широкому кругу коммуникантов слова и выражения типа: креативный подход – творческий, дисфункциональное – пустое слово, прецизионный метод - точный, экспликация авторской позиции - самовыражение, регенерация - обновление, имплементация - внедрение, встреча - брифинг, дивидент - прибыль, конвертация - обращение, инвазия - вторжение. В литературе это явление комментируется как “випендрон”, который “точно характеризует сьогочасну самоїдську моду виштовхувати культурно закорінену й питому лексику та фразеологію з української мови усілякими снами рябої кобили з чужого краю - “словами-приблудами “ (Radchuk, 2002, p. 44). Следует отметить, что, несмотря на стихийный наплыв иностранных слов в газетный дискурс, многие журналисты не злоупотребляют заимствованиями, употребляя их изредка с оттенком иронии.

Особенностью современного газетного пространства стало стилистическое, идейное, жанровое, языковое и содержательное разнообразие прессы. «Стремление максимально приблизиться к уровню потребителя массовой культуры» (Khimik, 2000, p. 72) объясняется такими социальными факторами, как демократизация общественной жизни, снятие цензурных ограничений, свобода слова и такими тенденциями развития самой массовой коммуникации, как децентрализация информации, отказ журналистов от бывших газетно-публицистических идеологических и языковых штампов, от пафосности, либерализация речи, широкое использование разговорных элементов и др. (Kudryavtzeva, Dorofeeva, 2003, p. 20). Следствием этого

стала ориентация современной прессы на использование некодифицированных языковых средств и смена нормативной основы печатного текста, в котором преднамеренно просматривается пренебрежение языковыми нормами, используется неоправданное нарушение стилей речи, грубость, ненормативная лексика, экспрессивы разговорной речи типа «бодун», «босота», «лопухнуться», «беспредел», «по барабану», «кинуть» и т.д. Подобное снижение речевого стандарта, объясняющееся следствием объективных социальных и демографических процессов, а также доступностью субстандартных единиц и, благодаря их особой выразительности, возросшей популярностью для самого широкого круга носителей языка, считается «признаком хорошего тона, демократичности в общении с читателем» (Titarenko, 2002, p. 6). Их осознанное использование, мотивированное авторской прагматической установкой, наблюдаем в следующих примерах: “...*розтринькуємо держрезерв*” (УМ, 11.09. 07), “*А тим, хто причалапкував свинячою ходюю і рив свинячим рилом, давала достойно по цьому рилу*” (УК, 28.12. 05), “*Що в тих інститутах, їд्री його на виворіт, тільки думають, понавчають усяких дівок, а тоді маси з ними рахубу, ні побалакать, ні виматюкатися*” (ГУ, 27.12. 05), “*Не дрейфити, пацани ! Два роки служби в українському війську не такий уже великий строк*” (УК, 29.12.06 .12.05).

Поскольку экстралингвистические факторы существенно повлияли на язык прессы, он все большее воздействие оказывает на разговорную речь и становление языковой нормы. Особое место в газетной публицистике занимают окказионализмы, которые, расширяя «газетный» словарь, сближают его с живыми формами речи, усиливают весомость слова, имеют оценочную значимость, например: «моржинизм», «эсенговия», «сэкондхэндовец». Влияние некодифицированных сфер языка наблюдается и в окказионализмах от имен собственных. Так, стали использоваться характеризующие прозвища политических деятелей, наделенные иронической коннотацией : «Кучмизм», «Ющ», «Янус», «Азаровщина», «Тимоха», «Кучмагейт». По мнению В.Г.Костомарова, такое активное проявление “стилистических смесей” в языковой палитре СМК выступает в качестве нормы (Kostomarov, 1994, p. 43).

На современном этапе язык СМИ, демонстрирующий иронично-критическое восприятие действительности и всей политико-идеологической системы, стал инструментом формирования общественных взглядов и настроений. Сегодня

также отмечается и резко усилившаяся в языковой палитре газетного дискурса личностная тенденция. Так, в соответствии с авторской позицией, мировоззрением в излагаемых материалах эксплицируются собственные оценки. Оценочный модуль, чаще негативный, используется в разнообразном арсенале фразеологических единиц “*Довго депутати товкли воду в ступі, але ж врешті-решт прем'єр був обраний*” (Т, 2.11.07), “*Ремонтники тільки встигають ламати дірки*” (ГУ, 13.12.07). Часто журналисты моделируют экспрессивно-оценочное содержание путем создания собственных метафор, обладающих яркостью, воздействующей силой: «Нагодовані міцною надією. НАТО обіцяє Україні стосунки» (УМ, № 63, 08), «Вікно в окупацію. Столична міліція не поспішає шукати нападників, що завдала збитків «Меморіалу» (УМ, № 74, 08), «До нас «експортують» вуличні заворушення» (ДУ, № 40, 07), «Азовське море «з'їдає курорти» (ДУ, № 52, 07).

В языке современного газетного дискурса наблюдается тенденция субституции онимов перифрастическими выражениями типа «вечный город» - «Рим», «Поднебесная» - «Япония», «Черный континент» - «Африка», «Чума XX с. - СПИД», которые передают массу оттенков, обусловленных экстралингвистическими факторами. Исследуемый материал показал, что во всех случаях перифразы могут быть как позитивно-оценочные, так и негативно-оценочные. Не менее выразительны в этом плане перифрастические образования от имен нарицательных: “*Тепер поміркуємо: “зелений” пасує перед Євро, те саме відбувається і з гривнею*” (ГУ, 25.07.07), “*Заручники Бахуса: хто заважає алкоголіку припинити свою дружбу з зеленим змієм*” (УМ, 11.09.07), “*Живлення Голодом. «Привиди комунізму не шкодують зусиль і коштів, або отримати зиск навіть від історичної трагедії»* (УМ, № 65, 08), “*Погонні метри волевиявлення. ТВК запасється для киян довжелезними бюлетенями, бюлетені - мікрошрифтами*” (УМ, № 88, 08). Все эти приемы служат для придания большей выразительности газетным текстам, для максимального привлечения внимания читателей к данным материалам.

Нельзя не отметить, что оружием политической борьбы в газетных изданиях становится практика использования вербальной агрессии автора, которая, выступая оценочным модулем, усиливает негативную коннотацию информации. Средством для этого становится инвективная лексика, цель которой - обвинение, принижение социального статуса адресата, негативная оценка объекта типа «політична повія», «звичайнісінький пристосувальник»,

«депутати-рекетери», «зажерливі слуги народу та людей без честі, але з погонами».

Также следует отметить в языковой палитре газетного дискурса тенденцию активного перемещения терминологической лексики в сферу общелитературного применения, в результате чего термины в новой языковой среде приобретают способность к детерминологизации. Этот процесс происходит либо путем метафорического употребления устойчивого переноса значения, либо за счет обобщения специального значения, т.е. семантического изменения в смысловой структуре терминов («потенциал отношений», «эпицентр спора», «театр переговоров», «атака доллара», «генералы карьеры», «вакуум в отношениях» и др.).

В современном массмедийном дискурсе находит отражение и семантический процесс реидеологизации, т.е. явление языкового возрождения идеологической семантики, сопровождающееся «изменением полюса идеологической эмотивности в коннотативном макрокомпоненте идеологически окрашенных слов» (Minchak 2003, p. 174). Так, среди реидеологизированных лексем выделяются предметы материальной культуры («бандура», «кобза», «трембита»), названия национальной государственной атрибутики («тризуб», «синьо-жовте знамено»), номинации, связанные с фактами украинской истории, используемые в газетном дискурсе не только для воссоздания реальности прошлого, но и для оценки явлений общественной жизни сегодня («гетьман», «казачество», «геноцид», «голодомор»). Нередко в языковой палитре периодической прессы встречаем возвращение терминов- историзмов в новом или похожем к предыдущему значению. Заново, к примеру, употребляется эпитет «красный»: «*Галкіна закидає “червоному” спікеру, що той, відповідно до чинного закону про вибори депутатів ВР АРК, не дав письмової згоди на час виборчих перегонів піти у відпустку*» (УМ, 26.02., 02). Процесс реидеологизации коснулся и лексики с общественно-политической семантикой («соборность», «государственность», «суверенитет», «самостоятельная Украина», «гривня»), и названий исторических объединений украинцев («Союз визволення України», «Січове стрілецтво»), и библионимов («Заповіт», «Вічний революціонер»); активизировались имена политических деятелей разных исторических периодов (Симон Петлюра, Петро Дорошенко, Мазепа, Степан Бандера), церковных деятелей Украины, творческой и научной

интеллекции (Михаил Донцов, Евгений Коновалец, Ярослав Стецько, Роман Шухевич, Андрей Шептицкий и др.) (Minchak 2003, p.177).

В данной статье представлены далеко не все процессы, имеющие место в языковой палитре газетного дискурса. Однако и проанализированный материал представляет возможным сделать следующие выводы: активные социальные изменения способствуют динамизации языковых процессов; язык современных СМИ, несмотря на общее снижение его стиля, утрату литературной чистоты, наиболее оперативно реагирует на новые явления в языке, стает нормотворческим фактом, влияющим на уровень языковой культуры.

Литература

Azhnuk, Bogdan (2001). Мовні зміни на тлі деколонізації та глобалізації / Linguistic changes on the basis of decolonization and globalization. *Linguistics*, № 3.

Kostomarov, Vitaliy (1994). *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа /The language epoch manner*. Moscow.

Kudryavtzeva, Ludmila, Dorofeeva, Elena (2003). Окказиональное словопроизводство в современных массмедийных текстах/Occasional word-combination in modern mass media texts. *Lexico - grammatical innovations in modern Slavic languages: Materials of Ukrainian scientific conference*. T.S. Pristajko. Dnipropetrovsk «Economics».

Krisin, Leonid. (1968). *Иноязычные слова в современном русском языке / Borrowed words in modern Russian language*. Moscow.

Minchak, Galina (2003). Семантичний процес реідеологізації у мові сучасної української публіцистики / Semantical process of reideologization in the language of Ukrainian publicism. *Lexico-grammatical innovations in modern Slavic languages: Materials to the Ukrainian scientific conference*. T.S.Pristajko. Dnipropetrovsk «Economics».

Radchuk, Vitaliy (2002). Таку працю видавати б щороку/Do have such work yearly. *Ukrainian lesson*, № 2-3.

Titarenko, Evgeniy (2002). Титаренко Е.А. Русская речь современных средств массовой информации / Russian speech in the modern mass media means. *Russian language and literature in educational establishments*. Moscow.

Khimik, Vasily (2000). *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен/Colloquial speech as cultural phenomenon*. Moscow: Philological faculty.